

Филиал «Тобольский индустриальный институт»
Тюменского государственного нефтегазового университета
Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 1020, РУФПС, 4 микрорайон, 626150, Тобольск, Россия
E-mail: tiitobnet@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «НОВОКРЕЩЕННЫХ ИНОВЕРЦЕВ» СИБИРИ. XVII–XVIII ВЕКА

В современной отечественной историографии все чаще высказывается мнение о существовании вполне определенной связи между конфессиональной принадлежностью подданных российской короны и их социально-правовым (сословным) статусом [8. С. 169; 7. С. 131; 11. С. 23, 26]. Автор настоящей работы на материалах западно-сибирского региона попытался проследить эту корреляцию и выявить особенности юридического, податного и административного положения «новокрещенов» из числа аборигенных жителей края на различных этапах его освоения.

В XVII в. крещение по православному обряду для аборигена имело следствием преодоление «иноземческого» и «ясачного» статуса и переход в иной социальный разряд, обычно – в число служилых по прибору. В Сибири эта практика установилась, по-видимому, с 1603 г., когда в связи с принятием крещения тремя вогулами указом Бориса Годунова было предписано новокрещенцам «царскую службу служить в Верхотурье в стрельцах, на выбылых стрельцов место» [16. С. 267]. По данным разрядных книг 1629–1631 и 1635–1636 гг., приводимым А. И. Сулоцким, в Тобольске между служилыми числилось 17 человек новокрещенных татар, в Тюмени – 4 новокрещенных татарина среди пеших казаков, в Пелыме – 3 новокрещенных вогулича среди стрельцов [Там же. С. 264–265]. Следует учесть, что в этот период формировались служилые татарские сотни, в состав которых вошли представители элиты бывшего Сибирского юрта, принявшие добровольно русское подданство. Но они оставались мусульманами. Поэтому новокрещенные татары не верстались в их число и учитывались отдельно от данной категории.

Важно отметить, что переход в православие позволял выйти из личной зависимости от прежних хозяев-иноверцев, что было актуально, прежде всего, для так называемых «захребетных татар», находившихся на положении дворовых людей у своих более состоятельных и знатных соплеменников. По подсчетам Н. А. Томилова, среди тюркского населения Западной Сибири в 1631–1634 гг. числилось примерно 530 новокрещенных, с учетом членов их семей [17. С. 44, 83, 147]. Новокрещенный мог быть также поселен в монастыре. Обычай отдавать крестившихся аборигенов в монастыри для научения их истинам христианской религии, по сведениям П. Н. Буцинского, был заведен в Сибири архиепископом Киприаном (Старорусенковым). При определенных обстоятельствах новокрещенный мог оказаться на положении холопа за частным русским человеком, что было весьма распространенным явлением. Впрочем, российское законодательство XVII в. либо существенно ограничивало, либо запрещало похолопление «ясачных» людей, в том числе принявших крещение [13. Т. 1, № 1, гл. XX, ст. 71, 97–99, 100, 117]. Именным указом царей Ивана и Петра Алексеевичей 1684 г. однозначно определялось «всяких чинов людям новокрещенов служилых и несслужилых, и ясачных людей в кабальное холопство не имать», а тех кто, крестясь, будут проситься в холопство, подвергать наказанию [Там же. Т. 2, № 1099. С. 644–645]. Принятие православия лицами женского пола влекло за собой их выдачу замуж за новокрещеного или русского служилого человека [16. С. 265; 13. Т. 3, № 1594. С. 371, 372].

Таким образом, новокрещенные из числа сибирских аборигенов в XVII столетии резко отличались по социально-правовому ста-

тусу от своих «ясашных» соплеменников-иноверцев. Последние оставались на положении «иноземцев», платящих дань-ясак, сосуществовавших в единых политических границах с остальной частью русского общества, но имевших с ним мало общего в социокультурном и правовом отношении.

Христианизация, даже не достигая широких масштабов, имела следствием усложнение межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе. Это выражалось не столько в плане роста социальной напряженности – безусловным и неизменным требованием при обращении в православие являлось добровольное волеизъявление крестившегося – сколько в появлении проблемы этнической самоидентификации прозелитов. Создавались условия для легального оформления межэтнических браков, смены этнического самосознания, появления билингвизма в аборигенной среде. Принадлежность к православию способствовала новому осознанию государственной принадлежности.

В исторической литературе сложилось весьма устойчивое представление о том, что XVII столетие – это век сдерживания миссионерских устремлений Русской православной церкви в Сибири, эпоха государственной веротерпимости, в противоположность веку восемнадцатому. Отсутствие активной миссионерской деятельности принято связывать с боязнью ожесточить «иноверцев», с недостатком сил и средств у церкви и правительства «для подобных предприятий» [4. С. 24; 5. С. 67–68], а также с опасением «потерять такой важный источник доходов, как ясачные платежи» [9. С. 263–264]. На мой взгляд, эти представления несколько упрощенно, а в ряде моментов искаженно трактуют мотивы конфессиональной политики Русского государства и Русской православной церкви в Сибири.

Открытие новых земель и продвижение на восток воспринималось русскими людьми XVI–XVII вв. как Промысел Божий. В «Синодике ермаковым казакам», составленном в 1622 г. по инициативе первого сибирского архиепископа Киприана, эта мысль проводится, как отмечает академик Н. Н. Покровский, с предельной четкостью: «Ермака избра и вооружи Бог славою и работорьством», чтобы «очистити место святыни»; на месте этом «соделашися святые Божия церкви в прибежище православным христианом, а во славословие Отцу и Сыну

и Духу Святому» [12]. Таким образом, изначально в идеологических установках государства и, естественно, церкви не могло содержаться каких-либо ограничений на распространение православия в новом крае, ибо это входило в противоречие с Волей Творца.

Распространение христианского верования среди сибирских иноверцев – важнейшая задача, которая ставилась перед первыми сибирскими владыками. Так, в наказе приемнику Киприана архиепископу Макарию от 8 февраля 1625 г. царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич указывают «и всякими обычай, как возможно, ... татар к себе приучати, и приводити их ко крещению с любовью, а страхом и жесточью ко крещению никак не приводити» [3. С. 256]. Следует подчеркнуть, что запрет насильственного крещения иноземцев, вступивших в русское подданство, носил широкий характер и не ограничивался только территорией Сибири, включая, в частности, Поволжье. При этом государство стремилось регламентировать не столько деятельность церкви, сколько пресечь «миссионерскую инициативу» служилых людей и воевод, вынуждавших к крещению ясырей-пленных из числа местных «иноземцев» с целью их укрепления за собой в качестве холопов [13. Т. 1, № 1. Ст. 117–118; Т. 2, № 1117; Т. 3, № 1594. Ст. 20, 27].

Приводимая Е. М. Главацкой выдержка из указа царей Ивана и Петра Алексеевичей Сибирскому и Тобольскому митрополиту Павлу от 5 апреля 1685 г. («...чтоб тем тобольских татар и бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить, и от государственной милости их не отгонять...») [5. С. 67–68] не может рассматриваться как аргумент в пользу утверждения о том, что миссионерская деятельность церкви ограничивалась на законодательном уровне. Во-первых, фраза вырвана из контекста. Во-вторых, она адресована не столько митрополиту, сколько тобольскому воеводе Петру Прозоровскому. Следует пояснить, что ряд статей указа посвящен разрешению конфликтных ситуаций, возникавших при переходе в православие тех «иноземческих дворовых людей», которые «пограбили хозяев своих животы». Велено было «животы те имать и отдавать челобитчикам», чтобы снять претензии противоположной стороны. Это отнюдь не препятствовало крещению иноземцев, даже преступивших закон. Более

того, предписывалось выкупать у прежних хозяев тех людей, которые по своей воле хотели креститься [13. Т. 2, № 1117. С. 662–663]. Разъясняя митрополиту, как необходимо действовать, и ставя его в известность о том, что розыск украденного имущества поручается местным воеводам, власти не могли обойтись без «патерналистской» риторики.

Анализ обширного комплекса официальных документов, относящихся к соответствующему периоду [1; 6; 13. Т. 1–3; 14], позволяет утверждать, что никаких оформленных законом ограничений и тем более запретов на распространение христианства среди народов Сибири в XVII в. в адрес православной церкви сформулировано не было.

Характеризуя позицию сибирских священников относительно крещения иноверцев, П. Н. Буцинский пишет, что архиепископ Макарий очень строго относился к данному делу, более строго, чем государство, разрешавшее крестить всех желающих, в том числе, совершивших преступление. В одной из своих отписок к царю и патриарху Макарий, как бы отвечая на соответствующий пункт данного ему наказа, упомянув желание одного магометанина принять крещение, вынужденное угрозами его владельца, замечает: «А в правилах де апостольских и отеческих писано – велено принимать во крещение вольных людей – чтоб ни от смерти, ни от беды, ни от напасти для того, что примет крещение и причащение, да опять заворовав обусурманиться» [3. С. 272]. Другой пример. В 1627 г. воевода Кузнецкого острога жаловался царю на попа Ивана, что тот не хочет крестить «татарку» Тоибкину, а только дал молитву и велел ходить в церковь. «У меня де литве и татарам крещенья нет», – говорил он воеводе. «Трудно допустить, чтобы упомянутый священник так поступал из одного своего каприза!» – отмечает П. Н. Буцинский. – «Не зависело ли это от строгости отношений к делу крещения инородцев?» [Там же. С. 272–273].

Весьма либеральное отношение законодателя к тем из ясачных, которые «приходили ко крещению», совершив преступления (например, кражу), установившееся в начале XVII в., к концу столетия сменяется жестким требованием проведения розыска таких лиц и их наказания. Причем если в указе от 5 апреля 1685 г. на имя Сибирского митро-

полита с таковых людей просто требовалось взискать награбленное, независимо от того, успели ли они к тому моменту креститься или нет [13. Т. 2, № 1117], то в наказе тобольскому воеводе князю М. Я. Черкасскому от 1 сентября 1697 г. предписывалось наказывать по Уложению и до того не крестить [Там же. Т. 3, № 1594, п. 20].

Не следует преувеличивать роль экономического фактора в позиции правительства по вопросу распространения православия среди «ясачных иноземцев». Дело в том, что абсолютное большинство сибирских иноверцев не изъявляло желаний креститься. Практика перевода в число служилых хоть и влекла за собой сложение с «иноземца» ясачной подати, но в свою очередь накладывала на него новое, более тяжелое, бремя службы. К тому же ясачные обязанности не были столь непосильны, как это может показаться, если судить о них по челобитным «ясашных», нередко преувеличивавших тяготы своего положения. В середине XVII в. в уездах Западной Сибири ясак составлял в среднем от 2 до 11 соболей с ясачной души в год. Русские промысловики в этот же период добывали по 15–20 сороков соболей на человека [3. С. 76]. И при этом многочисленные просьбы остяков и вогулов «полегчить» их в ясаке достигали своей цели. Воеводы неоднократно протестовали против такой гуманности центрального правительства, оборачивавшейся огромными недоимками на «ясашных иноземцах». Мотивы правительства понятны. Ясак на этом этапе имел не столько финансовое, сколько политическое значение, являясь выражением лояльности и даннической зависимости сибирских народов. Резервы для увеличения поступлений пушнины из Сибири, как полагали в столице, были далеко не исчерпаны, хотя бы за счет включения в ясачный оклад все новых «иноземцев» на севере и востоке Сибири. На этом фоне потери от перехода в православие нескольких десятков и даже сотен «ясашных» могли не приниматься в расчет.

Таким образом, мотивы, определявшие характер конфессиональной политики в Сибири в XVII в., следует искать, по всей видимости, не в области финансовых интересов государства, не в наличии или отсутствии ресурсов или в какой-то абстрактной веротерпимости. Многие определялись мировоззренческими установками деятелей самой Русской православной церкви.

Государство активно не вмешивалось в эту сферу, считая ее церковной компетенцией, а в своих указах и наказах лишь задавало желательные параметры процесса христианизации среди «ясашных иноземцев», формулировало условия, благоприятствовавшие добровольному принятию крещения, и жестко ограничивало корыстное по своим целям «миссионерство» со стороны представителей местной администрации и служилых людей.

На протяжении первой половины XVIII в. верховная власть пересмотрела свой взгляд на положение «ясачных иноземцев» в социально-экономической системе формирующейся Российской империи. Важнейшие шаги в этом направлении предприняты в период проведения реформ Петра I. Была развернута массовая христианизация народов Сибири. Задача социальной мобилизации и религиозной консолидации российского общества, сформулированная царем, нашла поддержку у сибирских митрополитов – выходцев из Малороссии, получивших богословское образование и воспитание в Киево-Могилянской академии. Они были сторонниками активной миссионерской политики, распространения школ и образования. В этом согласованном устремлении двух ведущих сил – государства и церкви кроются основные причины столь масштабного миссионерского движения в Сибири первой половины XVIII столетия.

Что касается пресловутого вопроса о насильственном крещении сибирских иноверцев, якобы санкционированном самим Петром I, не буду повторять аргументированные доводы Н. А. Миненко, критикующей это весьма распространенное среди исследователей заблуждение [10. С. 209–217]. Приведу лишь один пример. Сенатским указом от 31 июля 1719 г., в связи с распространением неким попом И. Максимовым ложного слуха среди татар Кунгурского и Уфимского уездов о «крещении в неволю», сибирскому губернатору предписывалось всем иноверцам объявить, что крестить будут только тех, «которые пожелают волею своею креститься» [13. Т. 4, № 3410].

С 1703 г. прекращается практика освобождения от ясака при принятии крещения. В этой связи весьма примечательным фактом остается содержание челобитной сибирского митрополита Филофея (Лещинского), отправленной им в самом конце 1702 г. из Тобольска на имя Петра I. В ней, в частно-

сти, говорится: «Буде иноземцы, похотят креститься ... своею волею, и чтоб тем иноземцом ко крещению приходиться свободно, *без ясачных убытков*» (здесь и далее курсив мой. – А. К.). В ответ на это послание митрополита в 1703 г. из Сибирского приказа пришла грамота, в которой между прочим указывалось, что если «иноземцы похотят волею своею креститься ... и их крестить, а неволею ... не крестить, *и ясак с них не складывать*»¹. Причин, вызвавших пересмотр податного статуса новокрещеных, на наш взгляд, было несколько. Прежде всего, следует учесть, что сибирский митрополит прекрасно понимал всю сложность финансового положения государства, воюющего со Швецией. Рассчитывая на положительную реакцию царя по всем остальным пунктам отравленного в Москву «доношения», он мог вполне сознательно подчеркнуть свою позицию по данному вопросу, затрагивавшему интересы казны. В свою очередь, позиция правительства определялась новым взглядом на характер ясачной повинности, которая начинает рассматриваться не в качестве дани, а как специфическая форма налога. Не случайно в первые годы (1719–1720) сибирского правления губернатора А. Черкасского с новокрещеных начали взыскивать ясак в размере, соответствовавшем в денежном выражении податному обложению русских крестьян. Сибирский архиерей Феодор (это имя Филофей Лещинский принял, став схимонахом) пытался протестовать против таких незаконных действий сибирского губернатора, но, как считает Н. А. Миненко, не слишком надеялся на поддержку центральных властей [10. С. 228]. Однако 1 сентября 1720 г. появился сенатский указ, установивший для людей, «восприявших православную веру», льготу на три года «во всяких государственных сборах и в издельях» [13. Т. 6, № 3637]. С 1722 г. введено освобождение для новокрещеных от дачи рекрутов [Там же. Т. 6, № 4123]. В 1724 г. подтверждено требование, действовавшее еще с конца XVII в. об освобождении из холопства всех новокрещеных². Казалось бы, особое отношение к новокрещеным становится вполне определенной государственной позицией. Тем не менее отправленный в Сибирь в 1722 г. для ревизии итогов первой подушной переписи переписчик князь

¹ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 203. Л. 38 об.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 88.

И. В. Солнцев-Засекин «новокрещеных написал в подушную перепись» [13. Т. 7, № 4860]. Схимонаху Феодору вновь пришлось обратиться с доношением в Сенат, в котором он просил освободить от подушного платежа своих подопечных. При этом он указывал, что «некрещеные только один ясак платят». Примечательно, что в 18-м пункте «Плаката о сборе подушном и о прочем» от 26 июня 1724 г. дословно сказано: «Понеже на однодворцев ... на татар и ясаиных, и на пашенных ... и на других им подобных государственных крестьян ... на тех положено сверх настоящего подушного сбора... еще по четыре гривны с души» [Там же. № 4533]. Таким образом, ясачное население начинает рассматриваться как часть формирующегося сословия государственных крестьян. Вместе с тем согласно «Реэстра», поясняющего положения упомянутого п. 18, астраханские и уфимские татары, башкиры и «сибирские ясачные иноверцы» не попадали под действие «Плаката...» 1724 г. Их «переписывать и на полки раскладывать не велено» [Там же. С. 318]. Указ Сената от 26 марта 1726 г., явившийся несколько запоздалой реакцией на обращение сибирского архиерея, окончательно разъяснил, что подушному обложению не подлежат все категории сибирского ясачного населения – и крещеные и некрещеные, а полагалось брать с них ясак по-прежнему [Там же. № 4860]. Этим же распоряжением требовалось «взять известие» у Солнцева-Засекина, «для чего он, имея точные указы, таких ясачных в подушную перепись писал». Вопрос вполне закономерен, но, как мне кажется, нечеткость положений «Плаката...» предоставляла возможность переписчику по-своему трактовать статус новокрещеных, ведь и в п. 18 и в «Реэстре» исключение сделано для «ясачных иноверцев». Таким образом, есть основания утверждать, что вопрос о податном статусе новокрещеных, возникнув в ходе подготовки и проведения подушной реформы, был окончательно решен только в 1726 г.

Следует отметить, что в XVIII в. конфессиональный фактор продолжал влиять на административно-территориальное устройство коренного населения. В 1733 г. указом Анны Иоанновны от 31 мая предписывалось тех из ясачных, кто неволею был побран, учинить свободными, те из них, кто не был крещен, отправлялись в прежние места обитания, тем же, кто принял крещение, дава-

лось право свободно поселиться в городах и уездах между христианами³. Такой подход был вызван опасением, что «новокрещенцы» вновь «обусурманятся». Особую остроту этот вопрос приобретал в городах в послепожарное время, когда по причине гибели жилья русские принимали к себе на жительство татар и бухарцев, и наоборот⁴. Кроме того, неопиты, особенно из татар, подвергались агрессивным нападкам со стороны одноплеменников-иноверцев. Весьма яркая картина религиозной нетерпимости в мусульманской общине по отношению к «новокрещенам» на материалах второй половины XVIII в. представлена в работе Г. Т. Бакиевой [2. С. 30–31].

Отметим, что, несмотря на отнюдь не толерантное в целом отношение местных мусульман к православию, нередко были случаи добровольного принятия крещения и бухарцами, и татарами. Смена религиозной принадлежности могла рассматриваться ими как средство для достижения желаемого социального статуса. В этом случае крещение выполняло роль «социального лифта», открывающего перспективы для экономического и социального роста [15. С. 56]. Вместе с тем причиной изменения вероисповедания могли быть и искренние убеждения, и фактор длительного культурного влияния.

На протяжении XVIII в. правительство неоднократно подтверждало право крестившихся иноверцев на те или иные послабления в уплате податей. В 1744 г. был уменьшен срок льготы по уплате ясака до одного года, но в 1751 г. вновь была восстановлена трехлетняя льгота⁵. Сумма, слагаемая с новокрещеных, перекладывалась на остальных членов податного коллектива, что, безусловно, вело к росту социальной напряженности. Вопрос разрешился в 1764 г. Было принято положение, согласно которому с некрещеных ясачных иноверцев не взыскивали те недоимки, которые возникли в результате льгот по уплате податей у их крестившихся соплеменников⁶.

Итак, в XVIII столетии новокрещеные из числа аборигенного населения Сибири в социально-правовом отношении продолжа-

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 61–62 об.

⁴ ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 570. Л. 14–15; Д. 1368.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 85; Ф. 462. Д. 2. Л. 48.

⁶ ГУТО ГА в Тюмени. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 48. Л. 394–395.

ли занимать специфическое место в структуре российского общества. Они являлись особой льготированной группой ясакоплательщиков. Вместе с тем, несмотря на особенности ясачного режима, принятого для новокрещеных, они составляли единую податную группу с некрещеными ясачными людьми. Мы не наблюдаем в этот период такой резкой социально-правовой границы между новокрещеными и некрещеными «иноземцами», какая существовала в XVII в. Постепенное стирание этой грани способствовало изменению характера подданства сибирских «иноземцев». Спустя почти полтора столетия с момента «сибирского взятия» аборигенные жители края стали рассматриваться верховной властью как безусловно включенные в структуру государства верноподданные, равные в своем положении другим податным категориям, правда нуждающиеся в «охранительном» к себе отношении, в особой системе налогообложения, управления и суда. По мере преодоления ясачными «иноземческого» статуса, государство стремится выработать единые принципы реализации фискальной и административной политики в отношении этой части населения Сибири, что находит наиболее полное выражение в период проведения первой ясачной реформы (1763–1769 гг.).

Список литературы

1. *Акты* времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г.). Собр. и ред. А. М. Гневушев // *Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.* М., 1914. Вып. 2.
2. *Бакиева Г. Т.* К вопросу о взаимоотношениях мусульман и новокрещенных у сибирских татар // *Социокультурная динамика и экономическое развитие Тюменского региона. XXI век: Материалы Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 60-летию Тюменской области и 10-летию Тобольск. индустриального ин-та.* Тобольск, 2004.
3. *Буцинский П. Н.* Соч. в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2.
4. *Главацкая Е. М.* Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в. // *Ежегодник науч.-исслед. ин-та рус. культуры Уральск. гос. ун-та.* 1994. Екатеринбург, 1995.
5. *Главацкая Е.* Хранители веры // *Родина. Спецвыпуск: «Тобольск – живая былина».* М., 2004.
6. *Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века /* Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.
7. *Клюева В. П.* Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблемы взаимодействия // *Вестн. археол., антропол. и этногр. Тюмень.* 2004. № 5.
8. *Ковригина В. А.* Иноземцы в России конца 17 – первой четверти 18 в. и политика петровского правительства // *Сословия и государственная власть в России. 15 – середина 19 в.: Тез. Междунар. науч. конф.* М., 1994.
9. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
10. *Миненко Н. А.* Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // *Очерки истории Югры.* Екатеринбург, 2000.
11. *Опарина Т. А., Орленко С. П.* Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // *Отеч. история.* 2005. № 1.
12. *Покровский Н. Н.* Русская Православная Церковь в освоении Сибири // *Сибирская заимка* (<http://www.zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml>.)
13. *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. Первое. СПб., 1830.
14. *Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* М., 1819–1822. Ч. 2–3.
15. *Соколовский С. В.* Образы «других» в российской науке, политике и праве. М., 2001.
16. *Сулоцкий А. И.* Соч. в 3 т. Тюмень, 2001. Т. 3: Из архива Александра Сулоцкого.
17. *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1980.